

ALEXEI SURIN

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6732-1085>

Bar-Ilan University, Department of the Literature of the Jewish People

РОЖДЕНИЕ АВТОНОМИИ ИЗ ДУХА ПОГРАНИЧЬЯ

Mirosława Michalska-Suchanek, *Najnowsza literatura rosyjsko-izraelska*, Śląsk, Katowice 2025

Вопрос о статусе и методах описания литератур, создаваемых на языке метрополии за её пределами, остается одной из болевых точек современной филологии. Инерция национальных филологических школ зачастую подталкивает исследователей к ассимиляции таких текстов, к их рассмотрению в качестве «зарубежной ветви» или диаспорального извода «большой» традиции. Русскоязычная словесность, с её сложной географией и многообразием культурных контекстов после распада СССР, представляет собой особенно показательный пример этого методологического вызова. Как изучать эти литературы, не сводя их к производным от метрополии и не игнорируя их глубокую укорененность в новых национальных и многоязыковых реалиях?

Именно в этот узел эпистемологических проблем в рамках современных *literary studies* направлена новая монография Мирославы Михальской-Суханек *Najnowsza literatura rosyjsko-izraelska* (2025, „Новейшая русско-израильская литература”), в которой автор вступает в полемику с привычными ассимиляционными подходами, предлагая вместо них оптику, в которой язык является лишь одним из факторов формирования литературной идентичности, но не единственным и не всегда решающим. Отсюда вытекает ее методологическое требование: анализ русско-израильской литературы должен сочетать инструменты социологии, антропологии и культурологии; именно в этой междисциплинарной конфигурации исследование приобретает свою академическую актуальность.

Чтобы понять принцип данного методологического поворота, необходимо проследить историческую траекторию самой русско-израильской словесности — от маргинального феномена к автономному литературному полю. Вводный раздел книги Михальской-Суханек аккумулирует три распространённых способа очерчивания русско-израильской словесности — как корпуса русскоязычных текстов, созданных в Израиле вслед за разными волнами алии; как совокупности произведений, явно обусловленных израильским историко-культурным контекстом; и как результата участия авторов в институционально-литературных процессах русскоязычного Израиля. Предложенная автором историческая канва — от эмиграции из бывших территорий Российской империи 1920-х, через рубеж 1948 года и «исхода» 1970-х к качественному расширению 1990-х — очерчивает логику роста корпуса данной словесности и подготавливает читателя к обсуждению того, что Михальска-Суханек называет «новейшей русско-израильской литературой», начавшейся с «Большой алии» 1990-х и продолжающейся до сегодняшнего дня.

Сосредоточившись на данном этапе, автор предлагает рассматривать русско-израильский текст как уникальную лабораторию, где гибридность и транскультурность перестают быть абстрактными понятиями и становятся основной рабочей поэтикой. Ключевой и, безусловно, полемической заявкой книги выглядит тезис о необходимости преодолеть «лингво-детерминизм» — то есть, отказаться от идеи, что язык автоматически определяет формы культурного самоопределения. Взамен автор предлагает трактовать русско-израильскую словесность как полностью самостоятельный поток, где стратегии саморепрезентации конструируются в сложном сплаве из осколков советского прошлого, реалий израильской современности, пластов еврейской традиции и травматического опыта миграции.

Метазадача книги, как формулирует ее Михальска-Суханек, — предложить литературно-культурный парадигмальный подход к новейшей русско-израильской словесности. Эта заявка сопряжена с отказом трактовать этот корпус как «часть русской литературы»: автор настаивает на его полной автономии — собственном культурном пространстве, собственной траектории развития и собственной поэтике. Такая позиция логично ведет к плюрализации методов: ввиду структурной неоднородности принадлежащих к русско-израильской литературе текстов еди-

ная методика их анализа, по мысли Михальской-Суханек, оказывается методологически некорректной. Поэтому ученый предлагает принцип «дискурсивной экспликации»: свой подход, своя методика для каждого типа текстов. Опираясь на аргументацию Рышарда Ныча (Ryszard Nycz) о культурной природе литературного знания и «включающей» контекстуализации, где литература рассматривается как культурная практика мультикультурной реальности, Михальска-Суханек получает теоретическое основание для своего плюралистического подхода. Если литература — это одна из практик «многокультурной действительности», то и её анализ требует не универсального ключа, а гибкого набора инструментов, чувствительных к конкретному контексту. В результате книга позиционирует русско-израильскую литературу как многоязычное поле, требующее разноуровневых «языков описания». Методологический выбор Михальской-Суханек последовательно отказывается от «тотального описания» в пользу дифференцированного подхода: новейшая русско-израильская словесность предъясняется как ансамбль несводимых индивидуальных авторских практик, требующих разнородных аналитических инструментов.

Из этого вырастает композиция монографии, которая служит практическим доказательством заявленной методологии. После программной главы «Дорога к автономии» следуют пять автороцентричных очерков, демонстрирующих широту поэтик и несводимость их друг к друг. Так, творчество Дениса Соболева анализируется через призму философской прозы, где мифологизация реальности и инициационные сюжеты становятся способом осмысления памяти, времени и экзистенциальной заброшенности. Далее, проза Якова Шехтера рассматривается как уникальный синтез магического реализма и прозелитизма, в котором мистические традиции иудаизма и пыл неопита формируют эзотерическое письмо, требующее совершенно иной герменевтики. В свою очередь, в текстах Анны Файн автор исследует сложную конструкцию, связывающую ортодоксальную религиозность, феминизм и традиционный еврейский юмор, показывая, как конструируется женская идентичность на пересечении этих дискурсов. Творческий тандем Елизаветы Михайличенко и Юрия Несиса представлен как пример сетевого реализма и культурной субверсии, где эксперименты с гипертекстом, ризомой и симулякрами служат для создания нового мифа об

Иерусалиме в цифровую эпоху. Наконец, анализ прозы Линор Горалик фокусируется на дистопийной антропологии и деконструкции антропоцентризма, где катастрофа становится точкой отсчёта для исследования пределов человеческого, инаковости и новой этики. Таким образом, структура книги демонстрирует гетерогенность русско-израильской литературы.

Однако обоснование тезиса об автономности этой словесности требует не только синхронного анализа поэтик, но и диахронной перспективы — рассмотрения исторических условий, в которых формировалась её независимость. Доказательство своего тезиса об автономности русско-израильской литературы Михальска-Суханек начинает с описания положения русскоязычной литературы в Израиле в 1970-х годах, когда в страну, благодаря приоткрывшемуся для евреев «железному занавесу», из СССР приезжают тысячи новых репатриантов, многие из которых профессиональные писатели, поэты, публицисты и редакторы¹. Михальска-Суханек демонстрирует, что ключевым фактором в становлении русско-израильской словесности как процесса (в её «процессуализации») в 1970–1980-е годы стала инфраструктура печати: журнальные площадки («Сион», «22», «Менора», «Время и мы», «Народ и земля» и др.) и специализированные издательства («Библиотека-Алия», «Шамир») создали устойчивые каналы производства и распространения текстов — вплоть до нелегального проникновения в СССР. Эта сеть одновременно дала голос разным идеологическим течениям — от светского до религиозного, — и создала культурный и институциональный фундамент, «почву» для качественного скачка, который произошел с приходом «Большой алии» 1990-х.

Институциональная основа 1970-х, как показывает Михальска-Суханек, стала тем пространством, где легитимировалось русскоязычное оппозиционное письмо: здесь сошлись опыт лагерей, диссидентское сопротивление и борьба за выезд «отказников». В поэтике этого периода центральной становится фигура Исхода — образ личного и коллективного освобождения от рабства в «советском Египте». Однако распад СССР и последовавшая за ним «Большая алия» радикально меняют эти усло-

¹ Подробнее об этом периоде русско-израильской литературы и ее авторах см.: A. Surin, *Leaving Russia: Russian–Israeli Literature of the 1970s–1980s*, in: R. Katsman, M.D. Shrayer (ред.), *Studies in the History of Russian–Israeli Literature*, Academic Studies Press, Boston 2023, с. 99–146.

вия, вызывая глубокий поколенческий сдвиг. В результате для авторов, пришедших в русско-израильскую литературу в 1990-е годы, открывается принципиально новая свобода художественного поиска. Как пишет Михальска-Суханек, происходил

пересмотр тематического поля, прежде всего через деполитизацию. Литература быстро отходила от антисоветского пафоса Эли Люксембурга и Давида Маркиша, заменяя его антигероизмом и иконоборчеством. Социоцентрическое прочтение истории трансформировалось в микросоциологию².

Смена поэтики сделала прежнюю модель самоопределения, основанную на нарративе Исхода и роли «зарубежной оппозиционной литературы», не просто неактуальной, а невозможной. Отказавшись от привычной оппозиции «центр (СССР) – периферия (эмиграция)», русско-израильская словесность оказалась перед гораздо более сложной задачей: необходимостью заново выстраивать свои отношения одновременно с двумя мощными культурными полями – израильским и российским. Этот внутренний сдвиг, как показывает Суханек, стал толчком к отказу от самомаргинализации и формированию автономного литературного процесса. В значительной мере эта литература теперь направляла свои усилия не просто на «поиск места», а на сложное маневрирование: с одной стороны, на укоренение в израильской культурной почве, с другой – на сохранение диалога с российской литературной традицией. В результате, как заключает автор, она обрела свою уникальную позицию в точке пограничья между тремя традициями – русской, израильской и еврейской, в целом не претендуя ни на одну из них.

Приняв 1990 год за начало «нового» этапа, Михальска-Суханек последовательно описывает медиальную и эстетическую траекторию русско-израильской словесности: от символических стартовых площадок – альманаха «Скопус–2» и «Бега времени» – к феномену авангардных журналов Гали-Даны и Некода Зингеров «И.О.» и «Двоеточие», а затем – к тельавивскому журналу «Артикль», где переосмыляется формула «русско-еврейского». «Второе рождение» корпуса автор локализует в 1996–1999 годах: от условно «иерусалимского» кластера (Дина Рубина, Михаиличенко и Несис) – к оформлению через

² M. Michalska-Suchanek, *Najnowsza literatura rosyjsko-izraelska*, Katowice, Śląsk, 2025, с. 39.

«Иерусалимский журнал» и эстетическому сдвигу, отмеченному приходом нового поколения авторов — Виктории Ройтман, Линор Горалик, Виктории Райхер, Керен Климовски и многих других. В этой временной точке, согласно ученому, оформляется плюральная поэтика, где жанровая гибкость (эссе-роман, микропроза, философская повесть) и эксперименты с языком компенсируют потенциальный конфликт «русское/израильское». Автономия корпуса, таким образом, производна не от изоляции, а от перераспределения центров — которое переводит социокультурные разрывы в продуктивное эстетическое напряжение.

Одним из ключевых факторов преобразования литературы «русского Израиля», согласно Михальской-Суханек, стал долгий и многоэтапный процесс ее выхода из маргинального статуса. В соответствии с концепцией Фреда Махлера, противоположностью маргинализации — а значит и непосредственным эффектом демаргинализации — признается партиципация, участие. В отношении русско-израильской литературы, однако, возникает вопрос: участие в чём? В израильской литературе или, может быть, в русской, создаваемой на территории России и постсоветских стран? Творчество «русского Израиля» последних трех десятилетий, как указывает Михальска-Суханек, не вписывается ни в одну из этих опций. В Израиле оно по-прежнему остаётся изолированным и герметичным, поскольку израильская литература практически не вступает с ним в диалог: хотя на русский переводятся произведения Амоса Оза, Меира Шалева, Давида Гроссмана, Эдгара Керета и других значимых израильских авторов, сочинения русскоязычных писателей редко переводятся на иврит.

Вернёмся, однако, к понятию маргинализации. В контексте сказанного выше она означала бы восприятие огромной массы израильских русскоязычных авторов как группы, оттесненной на периферию литературной жизни как в Израиле, так и в России. Отсюда «демаргинализация»³ — процесс отказа от двух компенсаторных стратегий: от попытки встроиться в израильскую

³ Первым этот термин применительно к русско-израильской литературе предложил Роман Кацман, см.: R. Katsman, *Demarginalization of Contemporary Russophone Literature in Israel*, https://www.academia.edu/35544512/Demarginalization_of_Contemporary_Russophone_Literature_in_Israel (26.02.2025).

иерархию как ее «русский сегмент» и от ностальгического самоотнесения к русской литературе. «Нельзя замыкаться в культуре, пусть и великой: надо понять, что в мире нет провинций, есть только провинциалы», — приводит Михальска-Суханек слова писателя Леонида Финкеля⁴. Эту же логику в своих исследованиях отстаивает Роман Кацман, чьи работы стали базисом для размышлений Михальской-Суханек в ее монографии: выход из маргинального положения русско-израильской литературы он связывает с перестройкой «литературной географии» — переходом от бинарной схемы центр/периферия к многомерной «когнитивной карте культурных вселенных»⁵. Вместо оппозиции двух центров (русская литература и израильская словесность на иврите) и периферии «русского Израиля» предлагается видение сосуществования трех автономных полюсов. На такой карте новейшая русско-израильская литература занимает промежуточное, пограничное положение между русскостью и израильскостью. По-видимому, именно так её и следует мыслить: намеренное сокращение дистанции до одного из центров несет риск повторной маргинализации. Полное равноправие с двумя «историческими» литературами, если и достижимо, относится к отдаленной перспективе; однако режим подчиненности ей уже преодолен. На первый взгляд, к этому утверждению можно тут же привести контраргумент: «Но переводы на иврит редки, а значит, маргинальность сохраняется». Однако, и Кацман, и Михальска-Суханек в своей книге показывают, что неинтегрированность русско-израильского письма в ивритский центр не отменяет демаргинализации как становления самостоятельной сцены с собственными каналами связей, премиями, аудиторией, и поэтикой, действующей между полюсами «русскость/израильскость».

Понятие «демаргинализации», на котором, вслед за Кацманом, настаивает Михальска-Суханек, удачно схватывает реальную динамику русско-израильской литературы: длительное перераспределение позиций и форм участия, а не разовую «интеграцию», что соответствует полисистемной модели Эвена-Зо-

⁴ М. Michalska-Suchanek, *Najnowsza literatura...*, с. 36.

⁵ Р. Кацман, *Неуловимая реальность. Сто лет русско-израильской литературы (1920–2020)*, Бостон; Academic Studies Press; BiblioRossica, Санкт-Петербург 2020, с. 43, 46.

ара, где литература мыслится как гетерогенная, открытая структура из пересекающихся подсистем без единого неизменного центра⁶. Практически это позволяет уйти от ложного бинарного вопроса «участие в чем — в израильской или в российской литературе?» к наблюдению за реальными режимами участия на «карте множества миров», где русско-израильская проза и поэзия действуют между полюсами, формируя собственную и переставая быть подсистемой — «провинцией у моря». В итоге русско-израильский автор одновременно включён в израильское большинство (по месту жизни) и «русское» культурное поле (по языку/происхождению), но именно эта двойная включенность препятствует его присвоению любым центром. Это придаёт демаргинализации не только институциональный, но и семантический масштаб: корпус перестает говорить «от лица меньшинства» и начинает производить универсальные смыслы на собственном «стыке» культур. В терминах Кацмана — это переход от минорного самосознания к «бимажорной» субъектности, где автономия поддерживается неконформистскими стратегиями⁷.

При всей убедительности аргументации Михальской-Суханек, остаются вопросы о границах предложенной автономии. Насколько устойчива эта независимость в условиях, когда значительное число авторов публикуются в российских издательствах (даже после варварского полномасштабного вторжения России в Украину в 2022 году) и ориентируются на русскоязычную аудиторию за пределами Израиля? Не является ли заявленная автономия скорее горизонтом стремления, чем действительно достигнутым состоянием? Эти вопросы не отменяют ценности исследования, но указывают на продуктивные направления дальнейшей дискуссии.

Парадоксальным образом, именно эта проблематичность автономии, ее процессуальный и незавершенный характер превращают русско-израильскую литературу в идеальную модель для изучения современных многокультурных литератур. В своей книге Михальска-Суханек показывает, что русско-израильская литература представляет собой продуктивное поле для современной теории литературы, работающей с полицентричными, сетевыми и транснациональными конфигурациями литературного пространства. Описываемый ей корпус опровергает

⁶ I. Even-Zohar, *Polysystem Theory*, „Poetics Today” 1990, vol. 11, no. 1, с. 9–26.

⁷ Р. Кацман, *Неуловимая реальность...*, с. 46.

RECENZJE

распространённые в дебатах о *world literature* опасения относительно обезличивающего, «де-контекстуализованного» контента⁸: здесь принципиальная гетерогенность сочетается с процессом автономизации и требованием множественных режимов чтения вместо единого универсального паттерна. «Глобальной однородности» противопоставляются разнообразные механизмы письма — от пограничных языковых практик до собственных сетевых и институциональных сред. В этом смысле русско-израильская литература перестаёт быть «частным случаем» диаспоры и становится модельным объектом для будущей компаративистики, где полицентризм, ризомность и многоязычие исследуются не только в качестве программных деклараций, но верифицируются через наблюдаемые механизмы конкретных текстовых практик, реализуемых в условиях пограничья между культурными традициями.

REFERENCES

- Even-Zohar, Itamar. “Polysystem Theory.” *Poetics Today*, 1990, vol. 11, no. 1: 9–26.
- Kirsch, Adam. *The Global Novel: Writing the World in the 21st Century*. New York: Columbia Global Reports, 2016.
- Michalska-Suchanek, Mirosława. *Najnowsza literatura rosyjsko-izraelska*. Katowice: Śląsk, 2025.
- Кацман, Роман. *Неуловимая реальность. Сто лет русско-израильской литературы (1920–2020)*. Бостон; Санкт-Петербург: Academic Studies Press; BiblioRossica, 2020.

---

⁸ A. Kirsch, *The Global Novel: Writing the World in the 21st Century*, Columbia Global Reports, New York 2016, с.15–16, 25.